

А. Т. Жанисов, С. З. Раздыков

КАЗАХИ В ЗОНЕ ИРТЫШСКОГО ФРОНТИРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-116-124

УДК 94(574)“17/18”

ББК 63.3(5Каз)5

В статье рассматриваются процессы трансформации в XVIII–XIX вв. хозяйственной деятельности казахов, оказавшихся в зоне влияния иртышского фронта. Авторы понимают под иртышским фронтиром территорию, на которой в Новое время расположилась цепь российских военных укреплений в пограничных с казахами землях. В статье приводятся предположения образования и краткая история укрепленной военной линии на Иртыше, которая стала плацдармом для распространения российского влияния в Степном крае и Средней Азии. Раскрываются причины возникновения в иртышской фронтальной зоне конфликтных ситуаций между казахами-скотоводами и пограничными властями. Большое внимание уделено последствиям введения царской администрацией ограничений на перекочевку казахов-скотоводов в прилегающих к Иртышской линии землях. Рассматриваются факты «перелазов» казахов на правобережье реки, которые в первую очередь были обусловлены потребностями коневодческих хозяйств казахов Прииртышья. Потребность в пастбищах, расположенных в Кулундинской и Барабинской степях, стала одной из основных причин перехода на постоянное пребывание части казахов на правобережье Иртыша и принятия ими российского подданства. Прослеживаются особенности изменения хозяйства казахов, выразившиеся в переходе к полuosедлому скотоводству, в освоении сенокосения и земледелия. Авторы приводят примеры культурного взаимодействия и взаимовлияния между казахским и русским этносами.

Ключевые слова: *фронтир, Иртыш, казахи, русские, казаки, скотоводы, военная линия, крепости*

В работах российских исследователей последних десятилетий, посвященных вопросам колонизации Российской империей Сибири, достаточно широко используется концепция фронта. Концепция американского историка Ф. Дж. Тёрнера, экстраполированная, со значительной степенью адаптации, на историю колонизационных процессов в Российской империи, стала активно использоваться для выделения особых порубежных зон первичного закрепления колонистов на землях к востоку от Урала. Необходимо отметить, что концепт «фронтир» не имеет в настоящее вре-

мя общепризнанного определения, поэтому, в зависимости от специализации и целевых установок исследователя, понимается по-разному. Как было отмечено А. С. Хромых, рассмотревшим вопрос применения понятия «фронтир» к изучению истории Сибири, вероятность многовариантности его трактовки была изначально заложена самим автором концепта Ф. Дж. Тёрнером, который отмечал эластичность данной категории.¹ Такое положение позволяет рассматривать процесс колонизации с разнообразных, порой не характерных для традиционной историографии позиций. Значительное расширение поля применения данного концепта российскими исследователями способствовало тому, что сейчас выделяются типы/виды, этапы/стадии, признаки/характер и другие аспекты фронта в процессе колонизации азиатской части России.²

Жанисов Асет Темирханович — к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
E-mail: janissou@mail.ru

Раздыков Сакен Зейнулович — к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
E-mail: rasdikov@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. ИРН гранта — АР09562202

¹ См.: Хромых А. С. К вопросу о применении понятий «колониализация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 111.

² Более подробно см.: Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 72–76. Ведущие теоретико-методологические подходы российских исследователей к использованию данной категории при изучении процессов колонизации Сибири изложены в работах: Резун Д. Я.,

Что касается казахстанской исторической традиции освещения процесса колонизации Степного края, концепт «фронтир» не столь популярен, а отношение к нему в большей степени осторожное. Казахские исследователи не согласны с отдельными трактовками данной концепции, согласно которым фронтирные зоны формируются на относительно незаселенных землях. Особое акцентирование внимания некоторых авторов на столкновении в таких зонах двух неравнозначных по уровню развития культур, в котором аборигенным культурам отводится роль отстающего аутсайдера, также не способствует популяризации данного концепта среди казахстанских исследователей. Российские исследователи Р. Г. Буканова и А. А. Шарипов подчеркивают: «Реакция казахстанских исследователей понятна. На наш взгляд, необходимо в своих исследованиях больше опираться на исторические факты, рассматривая концепцию Тёрнера лишь как общий подход к изучению пограничных явлений. Тогда применяемая концепция, в рамках которой, впрочем, можно и нужно изучать процессы, происходящие за линией фронта, будет наиболее жизнеспособна и плодотворна».³

В настоящей статье мы используем данную категорию как достаточно удачный теоретико-методологический конструкт, позволяющий фокусировано рассмотреть процессы взаимодействия двух обществ, культур (без маркировки по признакам «передовая» и «отсталая») на конкретной географически определяемой территории. В нашем понимании иртышский фронтир — территория, на которой располагалась цепь российских военных укреплений, выдвинутая в Новое время в пограничные с казахами земли. Такое понимание фрон-

тира согласуется с определением, которое было предложено российским исследователем проблем присоединения и хозяйственно-го освоения Сибири Д. Я. Резуном, фронтир это — «создание цепи или отдельных быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов».⁴ Образованная в XVIII в. иртышская фронтирная зона привнесла изменения во все сферы жизнедеятельности казахов: хозяйство, социальную организацию, культуру. В нашем исследовании основным предметом рассмотрения является влияние Иртышской линии на хозяйственно-экономическую жизнь казахов, населявших прилегающие к фронтирной зоне территории.

Образование иртышской фронтирной зоны. Планомерное проникновение в казахские степи Российская империя стала предпринимать с начала XVIII в. К этому времени Россия стала одним из крупных игроков на геополитической арене, активно включившись в колониальный раздел Евразии. Одним из приоритетов в деле расширения территориальных владений империи было продвижение в восточном направлении.

Освоение Степного края началось с продвижения и закрепления вдоль речных долин. Если по западному рубежу проникновение осуществлялось по р. Урал, то восточная линия границы была проведена по р. Иртыш. Колонизация Прииртышья имела свои отличительные особенности. Русская колонизация вверх по течению Иртыша была инициирована «исключительно по военно-политическим видам и соображениям Правительства».⁵ К моменту появления первых укреплений Иртышской линии эти территории являлись зоной активного противостояния двух кочевых этносов — казахов и джунгаров. Казахи были вытеснены джунгарами с правобережья Иртыша. При этом, пребывая в перманентном состоянии противоборства в течение XVII — первой половины XVIII в., казахи и джунгары представляли собой довольно грозные военно-политические образования, что почти на сто лет стало сдерживающим фактором в расширении территориальных владений Российской империи в южном направлении. Вплоть до второго десятилетия XVIII в. крайним пунктом российских владений на Иртыше являлась Чернолуцкая

Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. URL: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 06.06.2021); Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 72–80; Зубков К. И. Фронтир как исследовательская парадигма // Там же. С. 63–71; Буканова Р. Г., Тынчинских З. А., Муратова С. Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Там же. С. 89–95. Историография российских исследований «фронтирной» тематики на материалах Сибири достаточно подробно освещен в работе Л. М. Ивановой. См.: Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 72–76.

³ Буканова Р. Г., Шарипов А. А. Концепция фронта как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. // Науч. ведом. БелГУ. Сер.: История. Политология. 2018. Т. 45, № 2. С. 328.

⁴ Резун Д. Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76.

⁵ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 5.

слобода, расположенная в 50 верстах ниже места впадения р. Омь в Иртыш.⁶ В это время контакты между первыми сибирскими колонистами и кочевниками к югу от указанной слободы ограничивались меновой торговлей и эпизодическими посольскими миссиями. Вверх по течению Иртыша проникали также вольнопромышленники для добычи соли из степных озер, но постоянных русских стационарных поселений в этих местах еще не было.

Инициированная первым сибирским губернатором М. П. Гагариным военно-разведывательная экспедиция 1715 г. под началом подполковника И. Д. Бухгольца стала первой попыткой продвижения и закрепления в Прииртышье официальной российской власти. В последующем за короткое время военные укрепления, укомплектованные служилыми казаками, протянулись до верховьев Иртыша. Уже к 1720 г. функционировали пять основных опорных пунктов: Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости, между которыми были построены промежуточные форпосты. К 1745 г. между Омской и Усть-Каменогорской крепостями насчитывалось уже более 20 различных военных укреплений.⁷ Иртышская военная линия стала своеобразной демаркационной линией, отгородившей «внутренние» области Российской империи от кочевников казахов.

Историк сибирского казачества XIX в. Ф. Усов отмечает: «Не достигнув главной цели — овладение золотыми россыпями Бухары, экспедиции эти имели, однако, большое значение: русская граница распространилась по Иртышу вглубь киргизской (казахской — А. Ж., С. Р.) степи до Усть-Каменогорска, а через это получилось оградить наши молодые колонии в Барабинской степи и южных частях Томской губернии, а также, возникнувшее вскоре, горнозаводское дело в Алтае; положено начало к упрочению нашего влияния в киргизской степи. Близкое соседство со Средней Азией облегчило наши последующие обширные завоевания и территориальные приобретения в этой стране».⁸ Иртышская линия имела характерные признаки фронтальности,

которые, по И. В. Побережникову, проявляются в заметной милитаризации и «в размещении здесь фортификационных сооружений, оборонительных линий, регулярных воинских частей, поселениях иррегулярных формирований».⁹

После образования иртышского фронта во взаимоотношениях между российской администрацией и казахскими родоплеменными группами наступил новый этап, насыщенный противоречивыми событиями, сыгравшими значительную роль в дальнейшей истории региона.

Ограничительные меры сибирской администрации и «перелазы» казахов-скотоводов на правобережье Иртыша. В истории казахов Среднего жуза вторая четверть XVIII в. характеризуется интенсивной внутренней миграцией. Эти процессы были вызваны освобождением земель от джунгаров. Происходит повторное заселение территорий современного Северо-Восточного и Восточного Казахстана различными казахскими родовыми группами. В этих условиях Иртышская военная линия обозначила предельные восточные рубежи продвижения казахов, преградив тем самым путь на столь желанные для кочевников-скотоводов луговые долины Кулунды и Барабы. В 1755 г. был увеличен численный состав местных воинских подразделений Иртышской линии, и в том же году казахам было запрещено переходить на правобережье Иртыша.¹⁰ Первые годы после введения запрета выдались чрезвычайно сложными для военных подразделений Иртышской линии, о чем свидетельствуют рапорты и приказы пограничных командиров: «Бригадиру Крафту. Киргиз-кайсаки во многом числе приближаются к Иртышской линии со скотом. Делают нападения на русских. Наступают и с турками и копыями и с зажженными фитилями. У Каряковского форпоста была ружейная стрельба с обеих сторон. 1755 — февраль».¹¹

Территории, прилегающие к Иртышу, входили в традиционный посезонный цикл кочевания казахов Среднего жуза и представляли важность для полноценного функционирования скотоводческих хозяйств. Поэтому стычки по периметру Иртышской линии были

⁶ См.: Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Составил есаул Н. Г. Путинцев. Омск, 1891. С. 2.

⁷ См.: Зюзов В. Г. Из истории сибирского казачьего линейного войска (на основе материалов отдела редких книг и рукописей Восточно-Казахстанского областного этнографического музея) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. Вып. 3. С. 18–22.

⁸ Усов Ф. Указ. соч. С. 9.

⁹ Побережников И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 13, № 4 (96). С. 196.

¹⁰ См.: Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 42, 43.

¹¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.

Иртышская военная линия (1755 г.)

▲ крепость • форпост

//// места выпаса казахами лошадей на правом берегу Иртыша

вызваны хозяйственно-экономическим фактором, попытками казахов в определенные сезоны года (чаще всего в осенне-зимний период) занять приречные территории по левому берегу, а также выйти к степным просторам на правом берегу Иртыша. Как отмечал в своих воспоминаниях российский офицер XIX в. И. Ф. Бабков, «при проведении границы в среде кочевых племен весьма трудно соблюсти, чтобы эта граница вполне обеспечивая экономические интересы кочевников, в то же время, удовлетворяла бы в полной мере и видам государственным. Направление государственной границы зависит от политических соображений, и ввиду важности интересов государственных, приходится по необходимости жертвовать местными интересами».¹²

Специфика организации процесса хозяйственной деятельности у казахов Среднего жуза во многом исходила из потребностей коневодства. По сути, необходимость обеспечения лошадей обширными пастбищами и достаточными водными источниками и вызывала летние перекочевки казахов. Одной из особенностей выпаса лошадей было то, что они круглогодично содержались отдельно от других видов

скота. В качестве зимних стойбищ — кыстау, как правило, выбирались места, удобные для пастбы овец, требующих свободных от снега пастбищ, пусть даже со скудным травостоем. Лошадь же, напротив, нуждалась в пастбищах с густой высокой травой, а ее способность добывать подножный корм (тебеневка) позволяла табунам прокормиться и в местах с глубокими снежными отложениями. Просторы Кулундинской и Барабинской степей на восточном берегу Иртыша, сочетающиеся с лесными массивами Южной Сибири, были удобны для зимнего выпаса лошадей.

Как было отмечено еще разработчиками теории хозяйственно-культурных типов, они находятся в сложных балансовых корреляционных связях с природными комплексами,¹³ которые напрямую влияют на эффективное функционирование традиционной системы жизнеобеспечения. Поэтому ограничительные меры, вводимые пограничными властями, не могли сдержать поток скотоводов в этом направлении. В случаях, когда казахи самовольно переходили Иртыш, колониальной администрацией было дано распоряжение: «...пойманные в степи на здешней стороне

¹² Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем в 1869 г. СПб., 1912. С. 334.

¹³ См.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 9.

киргис-кайсаки, покуда табуны все за реку Иртыш перегнаны не будут,... то оных за такое их самовольство при их старшинах приказать высечь плетьюми, отдать старшинам с расписками с таким подтверждением, чтоб впредь такого перегону не чинили».¹⁴ Тем не менее «перелазы» казахов не прекращались. Перегоны табунов на правый берег нередко позволяли казахам избежать массового падежа лошадей, что подтверждают сведения военных Иртышской линии. Так, в журнальной записке русского офицера Г. Ребкова приводится объяснение казахского султана Султанбета о причинах перегона лошадей на правобережье Иртыша: «Солтанмамбет солтана, сын ево Урус солтан и прочие старшины на вопрос словесно объявили, значит под сим. На просьбу их о допуске и кочевке в близости Российских крепостей объявлено было, что они на здешнюю Российскую сторону табунов своих не перегоняли, и с российскими людьми ссор и драк так, как в прошлом году было, отнюдь не чинили. На что они объявили, что в прошедшую ни каким образом невозможно было им киргисцам, миновать, дабы на здешнюю сторону табунов своих не перегоняли, ибо у них в улусах на степи иней весьма глубокий были, и за тем лошади их корму доставать не могли, и весьма многое число от бескормицы и от стужи у них лошадей и скота попадало. И только те одни лошади спаслись от упадку, кой в внутреннюю Российскую сторону перегоняемы были, а ежели не такая в корму нужда была, то б они табунов своих на здешнюю и перегонять не стали бы».¹⁵

Казахи в исследуемый нами период еще не осознавали, что в степи наступили другие времена. Простому кочевнику-казаху было сложно понять, почему он не имеет права перегонять свой скот на столь необходимые ему пастбища. Вследствие этого они порой обращались за разрешением на перегон своих табунов на правобережье Иртыша к казахским правителям, единственным в их глазах легитимным представителям власти в степи. К примеру, в 1760 г. воинскими разъездами были пойманы казахи, имевшие при себе ярлыки с печатью хана Среднего жуза Аблая, разрешавшие им кочевать на восточной стороне реки: «...ваши кирги-кайсаки близ реки Иртыш, через оную реку Иртыш выше Ямышева и Семипалатной крепостей и во близости Шульбинского заво-

да на здешнюю российскую сторону воровски переезжают. И хотя нашими воинскими разъездными командами усматриваются и назад высылаются для промыслов на здешнюю российскую сторону им, киргисцам дозволение от вас, почтейнешего Аблай салтана, дано, а некоторые якобы имеют за печатью вашу ярлыки...»¹⁶ Как показали позже материалы, собранные российскими военными и исследователями, в казахском обычном праве не было никаких положений, запрещающих или осуждающих тайный переход через военную линию.¹⁷

Во второй половине XVIII в. вдоль Иртыша возникает так называемое десятиверстное пространство, ставшее в дальнейшем одним из источников обострения земельной проблемы в регионе. 31 декабря 1765 г. по крепостям была разослана специальная инструкция генерал-поручика Шпрингера, в которой требовалось не допускать казахов в десятиверстную полосу.¹⁸ Означенное пространство, состоящее из приречных лесов и заливных лугов, было желанно как для казахов (для организации зимних стойбищ), так и для служилых казаков (для сенокосения). Доступ к этим местам кочевники могли получить только с разрешения военно-пограничного начальства. Новые ограничения, вступившие в силу с образованием десятиверстной полосы, еще больше усугубили конфликтную ситуацию. К концу 1760-х гг. тайные переходы, нападения на военную линию, приводившие к большим кровопролитиям, участились. Безусловно, такое положение не могло устраивать обе стороны. Поэтому как со стороны сибирских властей, так и со стороны казахских владетелей предпринимались попытки урегулировать обострившиеся взаимоотношения. Казахские султаны и главы родовых групп вели переговоры, активную переписку с пограничными властями, чтобы получить разрешение на кочевание в Прииртышской зоне. В итоге царское правительство решило допустить казахов, принявших российское подданство, на восточную сторону Иртыша с условием уплаты ренты. На российскую сторону допускались конские табуны с табунщиками не далее 25–30 верст от Иртыша и не ближе 40 верст к крестьянским поселениям.¹⁹

¹⁶ Там же. Л. 86–87.

¹⁷ См.: Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. С. 109.

¹⁸ См.: Крафт И. И. Указ. соч.

¹⁹ См.: Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 46.

¹⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 1770б.

¹⁵ Там же. Д. 83. Л. 1590б.–1600б.

Таким образом, несмотря на ограничительные меры, введенные сибирской администрацией, приток казахского населения на правобережье Иртыша не прекращался, а проблема урегулирования миграционного движения кочевников оставалась одной из наиболее острых в течение еще длительного времени.

Трансформация хозяйственного уклада казахов в зоне иртышского фронта. Процессы аккультурации. К началу 1770-х гг. часть казахов стала переходить во «внутренние» земли на постоянное пребывание. Первоначально там селились казахи, бежавшие от барымты или от наказания за какое-либо преступление. Отличительной чертой формировавшихся первых аулов было их объединение, не базирующееся на кровнородственных связях, как это было общепринято в степи. Позже на российскую сторону стали переходить и султаны с подвластными им родами. Одной из причин массового переселения казахов на российскую сторону было то, что после причисления их к верноподданым они получали определенные льготы. В частности, они, в отличие от казахов, вошедших в состав внешних округов, освобождались от выплаты ясака.²⁰ Со временем перешедшие на восточную сторону Иртыша казахские родовые группы стали переходить на полуоседлое скотоводство, которое подразумевает не только наличие постоянных зимовок, но и длительное пребывание на зимовках в течение всего года, сокращение радиуса кочевания. В первой четверти XIX в. казахское население было зафиксировано как постоянно проживающее в Курганском, Ишимском и Омском округах Тобольской губернии.²¹ Так, только на землях Омского округа в 1824 г. кочевали 408 юрт с общим числом проживающих в 1552 человека.²² Ограничения, введенные на передвижения со скотом на определенных территориях, привели к тому, что среди этих родовых групп возникало стремление обособить в свое пользование отдельные земли. Эти обособления относились в первую очередь к пастбищам для мелкого скота и зимовкам.²³ Одним из характерных признаков перехода от кочевого/полукочевого скотоводства к полу-

оседлому скотоводству становится сенокосение. Царские власти всячески содействовали распространению и укоренению среди казахов данного занятия: «Дабы-де их самих к кошению сен привлекать, а скота и лошадей их от трудного зимнего корму отвыкать и изнежить по несколько сена на оных вблизи их строения и границ живущих старшин здешними командами за настоящую зарплату поставлено было».²⁴ Во второй половине XVIII — начале XIX в. сенокосение еще не связывалось с оседлостью (заготовив сено на зимовки, скотоводы возвращались за ним только к началу зимы). К середине же XIX в. в связи с сокращением маршрутов кочевков, возрастанием производственного значения зимовок казахи-скотоводы стали строить хлева (землянки) для молодняка и мелкого скота в виде ям, обложенные земляным валом с настилом (крышей) из камыша, или крытые хлева из плетня и «плитового камня».²⁵ В прилинейных районах Прииртышья казахи заимствовали некоторые приемы стойлового содержания скота у русского населения. Можно отметить, что процессы аккультурации проявляются раньше и более заметны именно у приграничных казахов. Автор работы о казахах Среднего жуза С. Б. Броневский писал, что «волости, кочующие близ линии, научились у русских косить сено и лучше строить дворы для скота, чем много сберегают его зимой».²⁶

Интересное описание организации зимников приводит в одном из своих путевых очерков исследователь XIX в., генерал-лейтенант А. К. Гейнс. «Киргизское семейство жило пока в юртах, — пишет он, — разбитых близ самой зимовки, которая не была еще совершенно готова. Зимовка состоит из большой скирды сена, запаса кизяка и просторного загона для скота, сделанного из тростника и обложенного землей. Все это обнесено плотною изгородью из тростника. В середине оставлено место для юрты. Когда грянут холода, юрта будет перенесена сюда и снизу обсыпана снегом или землею».²⁷ Мы видим здесь несколько новых

²⁰ См.: Броневский С. Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. № 121. С. 181.

²¹ См.: ЦГА РК. Ф. 20300 из РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 29. Л. 8–8об.

²² См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 35–51.

²³ См.: Чермак Л. К. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 5–11.

²⁴ Казахско-русские отношения в XV–XVIII вв.: сб. материалов и документов. Алма-Ата, 1961. С. 630.

²⁵ Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО. Омск, 1894. Кн. 7, вып. 1. С. 1–18.

²⁶ Броневский С. Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 41–43. С. 360.

²⁷ Гейнс А. Г. Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. 1. С. 116.

явлений: переход к стойловому содержанию скота в течение зимы и развитие сенокосения. Специфика таких хозяйств во многом определялась благоприятными для стойлового или кошарного содержания скота естественными и хозяйственно-экономическими условиями — обилием пойменных сенокосов и, с другой стороны, близостью сибирских рынков, которые в это время предъявляли большой спрос на казахский скот.

Земледелие прививалось среди казахов плохо, но все же его факты уже стали фиксироваться. В определенной степени распространению земледелия среди казахов способствовало и русское крестьянство. Переселенцы-самовольцы, не имея на первых порах земельного участка, не могли самостоятельно осуществлять посевы. В поисках выхода из этого трудного положения они приходили в аулы, где договаривались с казахами о посеве исполу или из одной четверти при условии предоставления земли, лошадей и семян. Иногда такой издольщик вступал в соглашение не с одним, а с группой хозяйств и производил для них посев «из части». Эти крестьяне привносили в казахские аулы навыки земледельческого труда.²⁸

Повседневное общение с казахами имело в определенной степени воздействие и на уклад жизни русского населения, о чем свидетельствуют документы сибирской администрации и историческая литература того периода. Например, известный исследователь азиатской части Российской империи XIX в. Н. М. Ядринцев утверждал: «Заемствование инородной культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт».²⁹ Русские крестьяне осваивали опыт организации и ведения скотоводческого хозяйства казахов, например, содержание скота на подножном корму в зимних условиях, когда не хватало сараев и сена для стойлового содержания скота. Кроме того, крестьяне пользовались опытом казахов-скотоводов в выборе зимовки (места с небольшим снежным покровом и защищенные от бурнов). Влияние соседства казахов на культуру казахов Иртышской военной линии ярко описано исследователем нравов и обычаев сибирских народов Г. Н. Потаниным. Так, он пишет: «Как на левом, так и на правом берегу Иртыша, к линии примыкают киргизские кочевья,

так что здешние казаки окружены киргизами и находятся под их исключительным влиянием. Почти все население говорит киргизским языком, нередко предпочитая его, легкости ради, родному языку. Для многих это — колыбельный язык, потому что няньками и стряпками здесь бывают киргизки... Киргизские привычки простираются и на одежду и пищу казаков. Подобно кочевнику, иртышский казак любит носить широкие плисовые шаровары, халат из бухарской парчи или саранджи и лисью шапку, называемую по-киргизски борьк. Иртышский казак — страстный охотник до киргизских национальных блюд... Кроме этих внешних черт, иртышские казаки заимствуют от киргизов многие предрассудки, понятия и убеждения. Казак, как и киргиз, считает за стыд сесть на коня без нагайки, надеть холщевые шаровары и проч.»³⁰ Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что в регионе происходило активное культурное взаимодействие, которое находило отражение в повседневной жизни населения.

Таким образом, в зоне влияния иртышского фронта происходила трансформация основ жизнедеятельности казахов, сильнее всего просматривающаяся в хозяйственном укладе. Традиционное скотоводческое хозяйство казахов Прииртышья раньше и интенсивнее чем в центральной части казахской степи, стало приобретать новые формы. В одних районах региона сохранялись характерные черты полукочевого, в других наблюдались признаки полуседлого скотоводства. Ко второй половине XIX в. подобные процессы седентаризации затронули уже всю территорию казахов Степного края.

* * *

Изучение источников по рассматриваемому периоду позволяет утверждать, что появление иртышского фронта оказало существенное влияние на трансформацию хозяйственной деятельности казахов в XVIII–XIX вв. С момента образования Иртышской военной линии здесь отмечается активное взаимодействие между кочевниками и сибирской администрацией. Первоначально мы наблюдаем обострение конфликтов между казахами и пограничными властями. Такая ситуация сложилась из-за желания первых использовать в качестве пастбищ луговые долины Прииртышья и из-за

²⁸ См.: ЦХАФ АК РФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 74–119.

²⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 32.

³⁰ Потанин Г. Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 111, 112.

ограничительных мер на выпас скота на этих территориях, наложенных второй стороной. Источники этого периода изобилуют сведениями о многочисленных попытках казахов перейти со скотом на правобережье Иртыша. В итоге, руководствуясь в первую очередь хозяйственно-экономическими интересами, часть прилинейных казахов стала принимать

российское подданство, что позволило им селиться на землях к востоку от Иртыша. Со временем относительная ограниченность пастбищных территорий и процессы хозяйственно-культурного взаимодействия казахов с русским крестьянским, казачьим населением приводили к оседанию большей части казахов «внутренних» округов.

Asset T. Zhanisov

Candidate of Historical Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan)
E-mail: janissov@mail.ru

Saken Z. Razdykov

Candidate of Historical Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan)
E-mail: rasdikov@mail.ru

THE KAZAKHS IN THE ZONE OF THE IRTYSH FRONTIER:
TRANSFORMATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
OF KAZAKHS-CATTLE BREEDERS IN THE MODERN TIMES

The article examines the processes of transformation of the economic activity of the 18th–19th centuries Kazakhs, who were in the zone of influence of the Irtysh frontier. The ‘Irtysh frontier’ is understood as a territorial zone where in modern period a chain of Russian military fortifications was located in the lands bordering with the Kazakhs. The article provides the prerequisites for the formation and a brief history of the fortified military line on the Irtysh, which became a springboard for the spread of Russian influence in the Steppe Territory and Central Asia. It also reveals the reasons for conflict situations between Kazakhs-cattle breeders and border authorities. A particular attention is paid to the consequences of the colonial administration restrictions on the migration of Kazakh herders in the lands adjacent to the Irtysh line. The authors consider the facts of “climbs” of the Kazakhs on the right bank of the river, which in the first place was due to the needs of horse breeding farms of the Irtysh Kazakhs. The need for pastures located in the Kulundinsky and Barabinsky steppes became one of the main reasons for the transition to permanent residence on the right bank of the Irtysh of a part of the Kazakhs and their adoption of Russian citizenship. The features of the change in the economy of the Kazakhs, expressed in the transition to semi-sedentary cattle breeding in the development of haymaking and agriculture, are traced. The authors give examples of cultural interaction and mutual influence between the Kazakh and Russian ethnic groups.

Keywords: *frontier, Irtysh, Kazakhs, Russians, Cossacks, cattle breeders, military line, fortresses*

REFERENCES

- Andreev I. G. *Opisaniye Sredney ordy kirgiz-kaysakov* [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylym Publ., 1998. (in Russ.).
- Andrianov B. V., Cheboksarov N. N. [Economic and cultural types and problems of their mapping]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1972, no. 2, pp. 3–16. (in Russ.).
- Bukanova R. G., Sharipov A. A. [Frontier conception as a cognitive tool in studying the history of Russian-Kazakhstan relations in the XVIII–XIX century]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science], 2018, vol. 45, no. 2, pp. 326–332. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-326-332 (in Russ.).
- Bukanova R. G., Tychinskikh Z. A., Muratova S. R. [Peculiarities of frontier in Ural and Western Siberia in 16th–18th centuries]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 89–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95 (in Russ.).
- Ivanova L. M. [The Siberian frontier: the study of the issue in the Russian historical science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 410, pp. 72–76. DOI: 10.17223/15617793/410/11 (in Russ.).

Khromykh A. S. [To the question of the application of the concepts of “colonization” and “frontier” in the study of the history of Siberia]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov III region. molodezhnoy nauch. konf.* [Historical research in Siberia: problems and prospects: Collection of materials of the 3rd regional youth sci. conf.]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2009, pp. 108–113. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Asian Russia: frontier, modernization]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, vol. 13, no. 4 (96), pp. 191–203. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).

Rezun D. Ya. [Let there be a stockaded town and a settlement here]. *Rodina* [Motherland], 2000, no. 5, pp. 76–78. (in Russ.).

Rezun D. Ya., Shilovsky M. V. *Sibir', konets XVI — nachalo XX veka: frontir v oblasti etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th — early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2005. Available at: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html> (accessed: 06.06.2021). (in Russ.).

Zubkov K. I. [Frontier as a research paradigm]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71 (in Russ.).

Zyuz V. G. [From the history of the Siberian Cossack line troops (based on materials from the department of rare books and manuscripts of the East Kazakhstan Regional Ethnographic Museum)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy III nauch.-prakt. konf.* [Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the 3rd sci. and practical conf.]. Barnaul: izd-vo Barnaul'skogo peduniversiteta Publ., 1998, iss. 3, pp. 18–22. (in Russ.).

Для цитирования: Жанисов А. Т., Раздыков С. З. Казахи в зоне иртышского фронта: трансформация хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов в новое время // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 116–124. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-116-124.

For citation: Zhanissov A. T., Razdykov S. Z. The Kazakhs in the zone of the Irtysh frontier: transformation of economic activities of Kazakhs-cattle breeders in the modern times // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 116–124. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-116-124.